

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
30 January 2023
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 887/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	А. Й. (представлена адвокатом Ангелой Штеттлер)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	11 октября 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 5 июля 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	22 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	опасность применения пыток в случае депортации в Эритрею (недопустимость принудительного возвращения)
<i>Процедурный вопрос:</i>	явная необоснованность, оценка достоверности
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание
<i>Статья Конвенции:</i>	3

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тодд Бачуолд, Эрдоган Ишджан, Хуавэнь Лю, Маеда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Абдерразак Руване, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Клод Эллер.

1.1 Автором сообщения является А. Й¹, гражданка Эритреи 1984 года рождения. После отклонения ее ходатайства о предоставлении убежища был издан приказ о ее депортации с целью возвращения в Эритрею. Автор сообщения утверждает, что ее выдворение нарушает обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции. Автор представлена адвокатом Ангелой Штеттлер.

1.2 12 октября 2018 года в соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от депортации автора сообщения на время рассмотрения ее жалобы. 16 октября 2018 года государство-участник подтвердило, что приостановило депортацию автора.

Факты в изложении автора

2.1 Автором сообщения является гражданка Эритреи из этнической группы тигринья и родом из Зоба Дэбуб на юге Эритреи. Когда ей было 16 лет, ее семья решила выдать ее замуж. Поэтому она бросила школу и вышла замуж, переехав жить к мужу в Ади Гефах. Ее муж в то время проходил национальную службу. В июле 2005 года у автора сообщения родилась дочь. В 2006 году супруги развелись.

2.2 После развода автор вместе с дочерью переехала в Асмэру, где работала домашней прислугой в одной семье. После работы она продавала одежду на улице. Она всегда брала с собой дочь, чтобы избежать призыва на национальную службу². В феврале 2013 года автор рано утром перед началом работы вышла из дома за хлебом. Свою дочь оставила дома. Она была задержана властями и доставлена в полицейский участок, где ее продержали до вечера. Она сообщила сотрудникам полиции, что ей нужно вернуться домой к дочери, которая осталась одна. Позже вечером того же дня она была поставлена на учет, и ей было велено оставаться в распоряжении властей для прохождения национальной службы. После этого ее отпустили³.

2.3 Поскольку автор опасалась повторного ареста, она решила покинуть Эритрею. Она оставила дочь с матерью и через знакомого устроила свой выезд из страны. Она проехала через Судан, Ливию и Италию и 6 августа 2014 года въехала на территорию государства-участника. 7 августа 2014 года она подала ходатайство о предоставлении ей статуса беженца в государстве-участнике.

2.4 Автор присутствовала на первоначальном слушании 22 августа 2014 года. 12 августа 2015 года состоялось слушание по существу, в ходе которого она дала подробные показания по материально-правовым основаниям для обращения за международной защитой.

2.5 30 октября 2015 года ее ходатайство о предоставлении убежища было отклонено Государственным секретариатом по вопросам миграции. Тот не считал заявления автора заслуживающими доверия из-за нестыковок в объяснении ею событий, приведших к ее отъезду из Эритреи. В частности, во время первого собеседования автор сообщила, что представители администрации микрорайона «Парадизо» сообщили ей, что ее призовут на военную службу и что она должна связаться с ними по этому вопросу в период с января по апрель 2013 года. Кроме того, она утверждала, что боялась быть арестованной во время облавы. Однако только в ходе слушаний по существу дела она заявила, что в феврале 2013 года она попала в облаву и что ее отвезли в полицейский участок, где ей сообщили, что она должна оставаться в распоряжении властей для прохождения национальной службы. Государственный секретариат пришел к выводу о том, что ее последующее описание

¹ Поступила просьба сохранить анонимность автора.

² A/HRC/26/45, п. 28.

³ Военная полиция регулярно проводит в домах, на работе, на улицах и в других общественных местах массовые облавы (giffas) с целью поимки лиц, признанных годными к службе, уклонистов от призыва и тех, кто сбежал с национальной службы, включая несовершеннолетних. Сопrotивление в ходе таких облав чревато расстрелом на месте, поскольку против лиц, оказывающих сопротивление или пытающихся скрыться, разрешено применять оружие на поражение.

ареста указывало на то, что оно был сфабриковано для того, чтобы сделать ее ходатайство о предоставлении убежища более аргументированным. Он также отметил, что в ходе слушания по существу дела автор сообщила, что в момент ареста она ненадолго оставила дочь дома, чтобы купить хлеб, тогда как обычно она брала ее с собой на работу во избежание ареста. Однако позже на том же слушании автор стала утверждать, что, когда ее забрала полиция, она направлялась на работу. Государственный секретариат также назвал рассказ автора о маршруте следования невятным, что дало ему основания сделать вывод о том, что вопреки ее утверждениям ее выезд из Эритреи не был нелегальным. Он также счел труднообъяснимым то обстоятельство, что автор прождала три месяца после ареста, прежде чем покинуть страну. Поэтому Государственный секретариат решил, что утверждения автора были сфабрикованы и что поэтому она не заслуживает доверия. Он не обнаружил никаких признаков того, что в случае возвращения автора в Эритрею она подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Европейской конвенции по правам человека.

2.6 3 декабря 2015 года автор обжаловала решение Государственного секретариата по вопросам миграции в Федеральном административном суде. В обоснование своей апелляции она представила весьма подробный маршрут следования в Судан. Она также уточнила заявления, касавшиеся ее ареста, объяснив, что она говорила о покупке хлеба, имея в виду домашние хлопоты, повседневные поручения или дела, что было неверно истолковано как работа, и что ее рассказ полностью соответствует действительности. Она обратилась с просьбой издать временное распоряжение о приостановке исполнения распоряжения о депортации на время рассмотрения ее апелляции.

2.7 10 декабря 2015 года Федеральный административный суд постановил по результатам первоначальной оценки, что апелляция автора сообщения не имеет разумных перспектив на успех, поскольку ни одно из ее доказательств не ставит под сомнение решение Государственного секретариата по вопросам миграции. Поэтому в удовлетворении ее просьбы о временном распоряжении было отказано.

2.8 Своим окончательным решением, принятым 14 января 2016 года, Федеральный административный суд отклонил апелляцию автора, поскольку счел, что утверждения, касающиеся ее жизни в Эритрее, причин ее бегства и обстоятельств отъезда, частично противоречили друг другу и поэтому не заслуживали доверия. В частности, Суд сослался на то, что на предварительном собеседовании автор сообщила, что с 2005 по 2013 год она была домашней работницей, в то время как на собеседовании по существу она утверждала, что работала торговцем. Суд не счел правдоподобным то, что автор сообщения смогла скопить 1500 швейцарских франков для оплаты своего отъезда⁴. Наконец, он не счел достоверным то обстоятельство, что она смогла выйти на посредника и покинуть страну в течение одного дня. В свете всего этого Суд заключил, что ее выдворение в Эритрею не является неразумным шагом и не противоречит ее правам по статье 3 Конвенции или статье 3 Европейской конвенции по правам человека.

2.9 Автор утверждает, что, во-первых, Государственный секретариат по вопросам миграции не принял во внимание то обстоятельство, что предварительное собеседование проводилось в порядке суммарного производства и что в самом начале ей было четко сказано, чтобы ее рассказ был кратким, поскольку основания для получения убежища не были предметом предварительного собеседования: они должны были рассматриваться на последующем собеседовании по существу ходатайства о предоставлении убежища⁵. Кроме того, протокол слушания подтверждает, что из-за нехватки персонала предварительное собеседование было

⁴ Автор также сообщила, что ее поездка из Судана в Европу обошлась ей в 3400 долл. США, что она была оплачена при поддержке ее двоюродных братьев, проживающих в Соединенных Штатах Америки, и что в поездке она потеряла свое удостоверение личности.

⁵ На первой странице протокола первоначального собеседования указано: «Причины вашего бегства: кратко опишите самые важные из них, на более позднем этапе будет проведено более подробное собеседование».

проведено особенно бегло⁶. Автор поняла это так, что от нее ожидалось лишь краткое изложение событий, приведших к ее побегу из Эритреи. Поэтому она лишь упомянула, что ей велели пройти военную службу и что она боялась задержания во время облавы. Когда ей предложили кратко изложить причины своего бегства, она ничего не сказала об обстоятельствах, при которых ей велели пройти военную службу (т. е. что в тот момент она находилась под стражей в полиции после облавы). Она также утверждает, что на собеседовании по существу она объяснила, что по этой причине не упомянула о том, что полиция арестовала ее и в течение суток держала ее под стражей. Автор сообщения ссылается на практику Европейского суда по правам человека, отраженную в решении по делу *М. А. против Швейцарии*, в котором он признал, что при оценке достоверности сообщения нельзя не учитывать разницу в характере этих двух видов слушаний⁷. Поэтому она утверждает, что эта разница в характере двух слушаний и тот факт, что первоначальное собеседование было проведено бегло, объясняют то, почему она сообщила только подробности своего ареста во время облавы, и что на собеседовании по существу дела она более точно объяснила тот факт, что именно тогда ей прямо сказали быть готовой к национальной службе.

2.10 Автор утверждает, что она не делала противоречивых заявлений относительно причин, по которым она вышла из дома за хлебом без дочери. Скорее, в какой-то момент во время второго собеседования возникло недопонимание. Автор сказала, что шла по делам (в смысле купить продукты). Переводчик, очевидно, неправильно ее понял и перевел, что она направлялась на работу. Тем не менее из ее предыдущих заявлений было ясно, что автор в то утро на работу идти не собиралась. Автор указывает на то, что она несколько раз заявляла, что вышла из дома за хлебом. Она также объяснила, что всегда брала свою дочь с собой, когда шла на работу, чтобы ее не забрала полиция, но в то утро дочь с собой она не взяла, так как собиралась только купить хлеб и вернуться домой. Автор утверждает, что ее рассказ был последовательным на всех этапах и поэтому ее история заслуживает доверия. Она утверждает, что оценка Государственного секретариата по вопросам миграции неверна, тем более что она подробно рассказала о своем отъезде⁸.

2.11 Автор также утверждает, что аргументация Федерального административного суда была поверхностной и краткой и что он явно не принял во внимание ее заявления, поскольку в своем решении он неверно изложил детали ее рассказа о событиях, основывая часть своих выводов на этом неверном изложении, и что это также отражено в том, что он не рассмотрел некоторые аргументы в ее апелляции.

2.12 Автор утверждает, что ее депортация из Швейцарии в Эритрею подвергнет ее реальной опасности пыток. Она отмечает существование в Эритрее постоянной практики грубых и вопиющих нарушений прав человека и ссылается на документ зала заседаний комиссии по расследованию положения в области прав человека в Эритрее, в котором говорится следующее: «Пытки широко распространены на всей территории Эритреи. Пыткам подвергаются не только задержанные... но и призывники на национальной службе во время их военной подготовки и на протяжении всей их службы в армии... Комиссия установила, что периодичность и распространенность определенных методов пыток являются убедительным свидетельством того, что пытки носят системный характер и стали обычным явлением». Автор далее отмечает, что в том же документе говорится: «Принудительно репатриированные лица неизбежно рассматриваются как покинувшие страну нелегально и, следовательно, считаются серьезными правонарушителями, а также “предателями”». Распространенной формой обращения с возвращенными лицами является их арест по прибытии в Эритрею. Их допрашивают об обстоятельствах побега, о том, получали ли они помощь, чтобы покинуть страну, как финансировалось их бегство, были ли у них контакты с оппозиционными группами, находящимися за рубежом, и т. д. На этапе допроса

⁶ После вопросов о причинах ее бегства сделана пометка: «По причинам, связанным с кадровыми возможностями, собеседование относительно оснований для предоставления убежища проведено в укороченном формате».

⁷ Ходатайство № 5258 9/13, решение от 18 ноября 2014 года.

⁸ Автор ссылается на протокол ее собеседования по существу, в котором она объяснила, каким образом она покинула Эритрею.

возвращенных лиц систематически подвергают жестокому обращению вплоть до пыток».

Жалоба

3. В свете вышесказанного автор сообщения утверждает, что в связи с тем, что она покинула Эритрею нелегально, без паспорта и выездной визы и в возрасте старше 18 лет, который обязывает ее проходить национальную службу, уже подвергалась аресту и была взята властями на учет, в случае ее возвращения в Эритрею ей грозит реальная опасность произвольного задержания, пыток и жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции. Она утверждает, что представители эритрейских властей в аэропорту немедленно арестуют и задержат ее, подвергнут допросу с применением методов, подпадающих под определение пыток, и что власти быстро установят, что она покинула страну нелегально и что она является военнообязанной. Поскольку нелегальные выезды по своей сути рассматриваются властями как политическое инакомыслие, с ней будут сурово обращаться, она будет подвергнута наказаниям и ее призовут в армию и на всех этапах она будет подвергаться пыткам.

Представления государства-участника относительно существа сообщения

4.1 12 апреля 2019 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

4.2 Государство-участник отмечает, что в статье 3 Конвенции предусматривается, что ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая в соответствующих случаях существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека.

4.3 Государство-участник отмечает, что Комитет в своей практике дал конкретное выражение элементам статьи 3 и, в частности, принял точные руководящие указания относительно применения ее положений в своем замечании общего порядка № 4 (2017), в котором говорится, что заявитель должен доказать, что в случае депортации в страну происхождения ему будет угрожать предсказуемая, непосредственная, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам. Более того, существование такого риска должно представляться серьезным, что имеет место в случае, когда утверждения основаны на достоверных фактах. Элементы, которые должны быть приняты во внимание для того, чтобы сделать вывод о существовании такой опасности, включают, среди прочего, доказательства существования в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека, утверждения о пытках или жестоком обращении, которым подвергалось государственное должностное лицо в недавнем прошлом; наличие доказательств из независимых источников и доступ к ним для подтверждения утверждений о пытках или жестоком обращении; утверждения о пытках или жестоком обращении, которым могут подвергнуться автор или ее близкие в результате разбирательства в Комитете; политическая деятельность автора в государстве происхождения или за его пределами; доказательства, подтверждающие достоверность и общую правдивость утверждений автора, несмотря на некоторые нестыковки в изложении фактов или некоторые упущения в представленных объяснениях.

4.4 Государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 3 (пункт 2) Конвенции Комитет должен рассмотреть все соответствующие соображения, включая наличие постоянной практики нарушений прав автора со стороны государства. Вопрос, однако, состоит в том, будет ли автору сообщения «лично» угрожать опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую она будет возвращена⁹. Из этого следует, что наличие практики нарушений прав человека не является достаточным

⁹ *М. Д. Т. против Швейцарии (CAT/C/48/D/382/2009)*, п. 7.2.

основанием для вывода о том, что тому или иному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в свою страну. Для того чтобы опасность применения пыток считалась «предсказуемой, настоящей, личной и реальной», должны существовать дополнительные основания.

4.5 Государство-участник ссылается на утверждения автора о том, что национальные власти провели лишь беглое изучение ее доводов, касающихся опасности применения пыток и жестокого обращения в случае ее возвращения в Эритрею, что аргументация Федерального административного суда является относительно поверхностной и краткой, совершенно не учитывающей заявления автора, и что власти не провели необходимых расследований для определения реального характера предполагаемой опасности применения пыток и жестокого обращения. В ответ на эти утверждения государство-участник излагает свою практику рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища от граждан Эритреи, основные положения которой взяты из решения Комитета по делу *М. Дж. против Швейцарии*¹⁰.

4.6 Что касается оценки опасности преследования в Эритрее в целом, то государство-участник ссылается на практику Федерального административного суда, который постановил, что к беженцам не относятся лица, опасющиеся причинения вреда на том основании, что они отказались служить в армии или дезертировали¹¹. Оно далее отмечает, что Государственный секретариат по вопросам миграции постоянно оценивает доклады, касающиеся Эритреи, и обменивается информацией с экспертами и другими компетентными органами-партнерами. На этой основе он ведет обновляемый перечень стран, который служит основой для принятия решений и формирования практики предоставления убежища. В частности, оно ссылается на подготовленный секретариатом в мае 2015 года доклад, озаглавленный «Эритрея — страновое исследование», в котором изложены все собранные им сведения. В нем отмечается, что данный доклад был одобрен четырьмя органами-партнерами, научным экспертом и Европейским бюро по оказанию поддержки просителям убежища (в настоящее время Агентство Европейского союза по вопросам предоставления убежища)¹². В феврале и марте 2016 года Секретариат осуществил выездную миссию в Эритрею на предмет обзора, углубления и дополнения сведений, добавив источники, которые появились впоследствии. Государство-участник далее отмечает, что 10 августа 2016 года Секретариат опубликовал обновленную версию первоначального доклада и ссылается на аналогичные выводы, содержащиеся в докладах, которые были опубликованы в период с декабря 2015 года по июль 2018 года рядом национальных органов (например, в Швеции, Норвегии и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии).

4.7 Государство-участник поясняет, что в июне 2016 года швейцарские органы по предоставлению убежища изменили свою практику в отношении нелегальных выездов из Эритреи, что было подтверждено Федеральным административным судом в последующих решениях, в частности в постановлении Суда от 30 января 2017 года¹³. В этих решениях Суд очень подробно рассмотрел ситуацию в Эритрее с привлечением большого количества источников информации¹⁴. Вывод состоял в том, что нелегальный выезд из Эритреи сам по себе более не является достаточным основанием для предоставления статуса беженца. Более того, возникает вопрос о том, применяются ли до сих пор положения уголовного законодательства о нелегальных выездах, учитывая, что из-за массовой «утечки умов», с которой в настоящее время сталкивается Эритрея, эритрейские власти больше не применяют жесткие меры в отношении граждан, которые возвращаются в страну¹⁵. Серьезная опасность наказания в случае возвращения теперь может быть принята во внимание только при наличии других факторов, помимо нелегального выезда, которые делают просителя убежища нежелательной личностью в глазах эритрейских властей. Обращение с лицами, чьи

¹⁰ *М. Дж. против Швейцарии*, п. 4.4.

¹¹ Judgment D-6764/2017, 14 May 2018, para. 3.3.

¹² См. European Asylum Support Office, *Eritrea. National Service, Exit, and Return*, September 2019.

¹³ Judgment D-7898/2015, 30 January 2017.

¹⁴ Judgment D-2311/2016, 17 August 2017, and judgment E-5022/2017, 10 July 2018.

¹⁵ Judgment D-2311/2016.

ходатайства о предоставлении убежища были отклонены, зависит от того, как они возвращаются в страну, а именно добровольно или принудительно. Согласно информации, полученной от швейцарских органов по предоставлению убежища, государство-участник утверждает, что добровольное возвращение эритрейцев, чьи ходатайства о предоставлении убежища были отклонены, обеспечивает им привилегированный статус, известный как «диаспора». Такие люди действительно «реабилитируются» и освобождаются от национальной службы как минимум на три года; таким образом, преследование со стороны государства в связи с их отъездом из страны им не грозит.

4.8 Что касается законности и возможности обеспечения выдворения лиц, не получивших статус беженца, государство-участник ссылается на признание Федеральным административным судом того факта, что из многочисленных источников информации, с которыми он ознакомился, следует, что национальную службу обязаны проходить все граждане Эритреи, как мужчины, так и женщины¹⁶. Начальная подготовка, которую необходимо в этой связи пройти, может длиться до шести месяцев, после чего соответствующее лицо зачисляется на военную или гражданскую службу на срок от пяти до десяти лет¹⁷. Суд также признал, что бытовые условия как на этапе начальной подготовки, так и при прохождении национальной службы являются суровыми и что, согласно изученной информации, отмечаются также случаи жестокого обращения и сексуального насилия.

4.9 Поэтому государство-участник ссылается на анализ Федерального административного суда, который постановил, что обязанность проходить национальную службу представляет собой бремя, которое само по себе не препятствует возвращению того или иного просителя убежища в Эритрею. Более того, Европейский суд по правам человека запрещает применение такой меры только в случае наличия серьезной опасности грубого нарушения запрета на принудительный труд, который Суд отмел после изучения этого вопроса. Таким образом, условия, существующие на национальной службе Эритреи, безусловно, являются тяжелыми, но не настолько, чтобы выдворение становилось незаконным. Более того, случаи жестокого обращения и сексуального насилия не являются настолько распространенными, чтобы возникла необходимость пересмотреть эту оценку¹⁸. Суд также отрицал, что в случае добровольного возвращения в Эритрею, как правило, существует серьезная опасность тюремного заключения и, соответственно, бесчеловечного обращения¹⁹. Наконец, он также отметил, что в Эритрее нет войны, нет гражданской войны или ситуации всеобщего насилия и что с 2005 года, когда гуманитарная ситуация была признана тяжелой, условия жизни в стране улучшаются²⁰.

4.10 В свете упомянутой выше текущей практики Государственного секретариата по вопросам миграции и подробных сведений о судебной практике Федерального административного суда государство-участник считает, что каждый из этих двух органов провел тщательное и должным образом обоснованное изучение сложившейся в Эритрее ситуации и характера связанных как с национальной службой, так и с незаконным выездом из страны рисков пыток или жестокого обращения, на которые ссылается автор.

4.11 Учитывая риски, связанные с призывом на национальную службу, государство-участник отмечает, что вероятность быть призванным на национальную службу по месту жительства в Эритрее не является основанием для предоставления статуса беженца, поскольку описанная выше практика эритрейских властей сама по себе не является решающим фактором преследования при рассмотрении вопросов предоставления убежища и не создает опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, ни по этой, ни по какой-либо иной причине. Кроме того, одного

¹⁶ Judgment E-5022/2017.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Judgment D-2311/2016.

лишь общего положения в области прав человека недостаточно для того, чтобы сделать выдворение автора несовместимым с положениями статьи 3 Конвенции. То же самое относится и к существованию обязанности нести государственную службу.

4.12 Что касается утверждений в отношении нелегального отъезда автора, государство-участник напоминает, что ее заявления об обстоятельствах ее отъезда были противоречивыми и не стыкующимися друг с другом, и по этой причине как Государственный секретариат по вопросам миграции, так и Федеральный административный суд сочли их неправдоподобными. Поскольку автор не смогла дать правдоподобное объяснение обстоятельств своего нелегального выезда из Эритреи, она, таким образом, не смогла придать правдоподобность своим утверждениям о том, что в случае возвращения в Эритрею она подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. В этой связи государство-участник ссылается на практику Европейского суда по правам человека, нашедшую отражение в решении по делу *М. О. против Швейцарии* от 20 июня 2017 года, в котором тот постановил: «Суд разделяет мнение Верхнего трибунала о том, что лицо, чье ходатайство о предоставлении убежища не было признано убедительным, не может считаться покинувшим Эритрею нелегально, и что статус просителя убежища, чье ходатайство было отклонено, сам по себе не является достаточным для того, чтобы считать, что то или иное лицо в случае выдворения в Эритрею столкнется с реальной опасностью обращения, противоречащего статье 3 Конвенции»²¹.

4.13 В отношении критики автором сообщения внутренних процедур предоставления убежища, в ходе которых ее версия событий была признана неправдоподобной, государство-участник отмечает, что эти утверждения не являются достаточными для того, чтобы сомневаться в обоснованности выводов, к которым пришли компетентные национальные органы. Поскольку позиция государства-участника по-прежнему заключается в том, что заявления автора противоречат друг другу по существенным пунктам ее описания событий, в частности, в том, что касается причин ее отъезда из Эритреи и призыва на национальную службу, оно подтверждает свою поддержку доводов как Государственного секретариата по вопросам миграции, так и Федерального административного суда о том, что автор не смогла продемонстрировать правдоподобность своих утверждений.

4.14 Государство-участник далее отмечает, что в своем сообщении автор избирательно использует информацию по конкретной стране. Ее доводы во многом опираются на доклады организаций «Хьюман райтс уотч» и «Международная амнистия», составленные в свою очередь исключительно на основании заявлений лиц, которые покинули Эритрею. Кроме того, они не содержат никакой информации об обращении с лицами, обвиняемыми только в нелегальном выезде из страны (но не в других правонарушениях, таких как дезертирство или уклонение от призыва), в то время как ряд европейских стран (Норвегия, Швеция, Швейцария) опубликовали доклады, основанные на более широком и дифференцированном круге источников (включая исследования, проведенные на местах).

4.15 Государство-участник далее отмечает, что автор приводит обширные цитаты из документа зала заседаний, содержащего подробные выводы комиссии по расследованию положения в области прав человека в Эритрее. Однако комиссия прямо указывает на отсутствие содействия со стороны правительства Эритреи в сборе информации, необходимой для подготовки документа, и невозможность поездки членов комиссии в Эритрею для выполнения своей миссии²². На этом основании государство-участник утверждает, что содержание этого доклада основано на фактах и доказательствах, сообщенных третьими лицами, а не на выводах комиссии из первых рук, поэтому автор не может извлечь из него доказательную ценность, превосходящую ценность других источников.

4.16 Далее государство-участник заявляет, что в свете доказательств, представленных автором сообщения, оно считает, что содержание докладов, на

²¹ Application no. 41282/16, Judgment of 20 June 2017, para. 79.

²² Paras. 4–5.

которые она ссылается, недостаточно для того, чтобы продемонстрировать, что она лично и реально подвергается перечисленным в них рискам. По этому вопросу оно напоминает, что национальные органы, ответственные за процедуру предоставления убежища, провели тщательный анализ рисков, которым подвергалась автор, и пришли к выводу об отсутствии конкретных доказательств, подтверждающих вывод о том, что в случае возвращения в страну происхождения она подвергнется наказаниям или обращению, запрещенным статьей 3 Конвенции.

4.17 Государство-участник также заявляет, что его органы по предоставлению убежища пришли к выводу, что заявления автора о ее задержании не являются правдоподобными, и поэтому можно с полным основанием сделать вывод о том, что эритрейские власти никогда не арестовывали автора и не заключали ее в тюрьму. В ходе слушания в порядке суммарного производства автор сама также указала на то, что в стране происхождения у нее никогда не было никаких проблем.

4.18 Государство-участник проводит различие между сообщением автора и фактами, лежащими в основе дела *М. Дж. против Швейцарии*, в котором Комитет установил нарушение²³. Напротив, в данном деле слушание по ходатайству автора проходило на ее родном языке, подлинность представленных документов не была решающим фактором при оценке правдивости ее утверждений, и прежде всего Федеральный административный суд провел подробную и аргументированную оценку существования утверждений автора. Поэтому государство-участник делает вывод о том, что в данном случае, в частности из решений национальных органов по предоставлению убежища, следует, что утверждения автора не заслуживают доверия и что ее заявления никоим образом не подтверждают вывод о наличии серьезных оснований полагать, что в случае возвращения в страну происхождения она подвергнется пыткам.

4.19 Государство-участник подтверждает выводы национальных директивных органов, но выделяет следующие элементы:

а) на слушании в порядке суммарного производства 22 августа 2014 года автор указала, что опасалась облавы со стороны полиции, но заявила, что до этого момента у нее никаких проблем с полицией никогда не было. Однако на втором слушании она упомянула, что стала жертвой полицейской облавы и была вынуждена провести целый день в полицейском участке, что могло побудить ее бежать из Эритреи. Следовательно, на первом слушании она не упомянула решающий фактор — страх перед тем, что национальные власти заставят ее проходить национальную службу. Это тем более удивительно и не вызывает доверия, что на своем первом собеседовании она упомянула, что никогда не сталкивалась с проблемами с национальными властями. Государство-участник утверждает, что такие расхождения не могут быть объяснены суммарным характером первого слушания;

б) кроме того, на первом слушании автор заявила, что именно административные органы сообщили ей о необходимости быть готовой к прохождению национальной службы, в то время как затем она утверждала, что ее арестовали именно сотрудники полиции.

4.20 В свете вышеизложенного государство-участник утверждает, что нет никаких признаков наличия серьезных оснований опасаться того, что в случае возвращения в Эритрею автор подвергнется предсказуемой, настоящей, личной и реальной опасности пыток или жестокого обращения. Поэтому оно предлагает Комитету прийти к заключению, что возвращение автора в Эритрею не явится нарушением международных обязательств Швейцарии по статье 3 Конвенции.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

5.1 31 июля 2019 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения.

5.2 Автор отмечает утверждение государства-участника о том, что в ее сообщении избирательно приводились источники в поддержку ее утверждений, которые

²³ CAT/C/65/D/811/2017, п. 8.

опирались преимущественно или исключительно на заявления людей, бежавших из Эритреи, что указывает на их ненадежность и на то, что как государство-участник и другие европейские страны опираются на опубликованные доклады, основанные на более полных и дифференцированных источниках, которые подтверждают, что нелегальный выезд как таковой достаточным основанием для предоставления статуса беженца не является.

5.3 Однако автор отмечает, что существуют убедительные доказательства того, что миссии по установлению фактов и изменения в политике, на которые ссылается государство-участник в качестве основания для своего заключения, были, по крайней мере, частично ошибочными и преследовали единственную цель — сократить количество ходатайств о предоставлении убежища гражданам Эритреи. Она ссылается на руководство Министерства внутренних дел Великобритании, опубликованное в марте 2015 года и основанное на результатах поездки в декабре 2014 года, и отмечает, что в январе 2017 года организация «Проект: публичное право» получила информацию, свидетельствующую о том, что даже само Министерство внутренних дел до публикации упомянутого руководства сомневалось в достоверности заявлений, сделанных официальными лицами правительства Эритреи во время посещения страны²⁴. Автор, в частности, отмечает, что в октябре 2016 года Суд высшего уровня Великобритании вынес знаковое решение, в котором подробно обсудил отчет о своей миссии по установлению фактов. Он установил, что вопреки опубликованному руководству Министерства внутренних дел²⁵ уклонисты и дезертиры подвергаются суровому наказанию, и эта тема красной нитью проходит через свидетельства из большинства источников. По полученным Судом сведениям, лица, покинувшие страну нелегально и уклонившиеся от военной службы, продолжают сталкиваться с преследованиями или опасностью причинения им серьезного вреда. После этого решения Министерство внутренних дел отозвало это руководство по стране.

5.4 Автор утверждает, что Суд высшего уровня Соединенного Королевства критически проанализировал ряд докладов миссий по установлению фактов. В отношении миссии по установлению фактов, предпринятой Данией, он заявил, что существует больше причин, чем обычно, для того чтобы с осторожностью относиться к показаниям Министра иностранных дел Эритреи, поскольку он был заинтересован в защите позиции и репутации правительства. Суд также нашел основания полагать, что свидетельства одной региональной неправительственной организации (НПО), которая базировалась в Асмэре и свидетельства которой считались более сбалансированными, также, вероятно, имели отношение к правительству, поскольку заявление представителя этой НПО о том, что в стране «нет... коррупции», противоречило признанию даже самого правительства о том, что коррупция является сохраняющейся проблемой. Далее Суд установил, что лицо, достигшее призывного возраста или приближающееся к нему, по возвращении в страну будет восприниматься как уклонист или дезертир и что ему или ей грозит реальная опасность преследования или нарушения статей 3 и/или 4 (пункт 2) Европейской конвенции по правам человека. Суд далее отметил, что в тех случаях, когда указывалось, что существует реальная опасность преследования в контексте несения военной/национальной службы, с высокой вероятностью это объяснялось обусловленной Конвенцией причиной, основанной на приписываемых политических убеждениях. Суд также постановил, что: «Лицо, которое, вероятно, будет воспринято как дезертир/уклонист, не сможет избежать такого реального риска, просто показав, что оно заплатило (или готово заплатить) налог на диаспору и подписало (или готово подписать) письмо с выражением сожаления»²⁶. Кроме того, он установил, что даже если такое лицо избежит наказания в виде заключения под стражу и жестокого обращения, то, скорее всего, оно будет направлено на национальную службу, что, вероятно, равносильно обращению, противоречащему статье 3 Европейской конвенции по правам человека,

²⁴ См. <https://publiclawproject.org.uk/resources/home-office-disclosure-efforts-to-reduce-the-numbers-of-eritrean-nationals-granted-asylum/>.

²⁵ Home Office, Country Information and Guidance, Eritrea: Illegal Exit (September 2015).

²⁶ См. MST and others (national service – risk categories (CG) Eritrea [2016] UKUT 00337 (IAC).

если только оно не подпадает под одно или более из трех разрешенных исключений²⁷. После этого Суд пришел к выводу, что никаких доказательств значительных и длительных изменений с октября 2016 года нет, и, отклонив руководство, подготовленное правительством, вернулся к сложившейся до того судебной практике. Затем Министерство внутренних дел опубликовало новое руководство, соответствовавшее этим выводам²⁸.

5.5 Кроме того, автор отмечает, что различные учреждения, включая Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) и Швейцарскую организацию по оказанию помощи беженцам, сомневаются в репрезентативности и, следовательно, полезности миссий по установлению фактов в Эритрею, так как они обычно не отвечают международным стандартам достоверности, обеспечиваемой сбалансированностью источников информации, поскольку в каждом случае миграционные службы обычно опрашивают только представителей правительства, дипломатов в Асмэре и других людей, зависимых от правительства²⁹.

5.6 Кроме того, автор отмечает, что три решения Федерального административного суда в отношении эритрейских просителей убежища, на которые ссылается государство-участник, были вынесены в январе и августе 2017 года и июле 2018 года, после решения суда по настоящему делу. Автор утверждает, что поэтому применение в настоящем деле практики, закрепленной в этих делах, весьма сомнительно, поскольку это привело бы к неравному обращению по сравнению с эритрейскими просителями убежища, которые подали свои заявления одновременно с автором.

Дополнительные замечания государства-участника по комментариям автора

6.1 26 сентября 2019 года государство-участник представило дополнительные замечания в ответ на комментарии автора.

6.2 Государство-участник принимает к сведению критику автора в адрес подхода, применяемого властями при оценке ситуации в Эритрее. В этой связи оно особо указывает на то, что органы, предоставляющие убежище, в каждом конкретном случае рассматривают вопрос о том, будет ли просителю убежища в случае его возвращения угрожать опасность или реальный риск подвергнуться жестокому обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Оно далее отмечает, что при определении того, находится ли то или иное лицо в опасности в стране происхождения и существуют ли конкретные признаки того, что в случае его выдворения оно может подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, необходимо всегда учитывать текущую ситуацию в указанной стране. В постановлениях, упомянутых автором, отмечается, что фактически Федеральный административный суд пересмотрел свою оценку ситуации в Эритрее и, помимо прочего, также подробно изучил использованные источники информации.

6.3 В этом контексте государство-участник утверждает, что следует также отметить, что вопрос о принудительном возвращении в Эритрею не стоит, поскольку оно не практикует принудительное возвращение граждан Эритреи, так как Эритрея возвращаемых таким образом граждан не принимает. Таким образом, принудительное возвращение невозможно, поэтому нет необходимости рассматривать вопрос о законности такой меры. Однако оно далее отмечает, что добровольный отъезд возможен при условии, если автор сообщения предпримет для этого необходимые шаги.

²⁷ European Asylum Support Office, *Eritrea. National Service, Exit, and Return*, para. 2.3.3.

²⁸ Home Office, "Country policy and information note. Eritrea: national service and illegal exit", July 2018, para. 2.4.12.

²⁹ См. UNHCR, "Fact finding mission report of the Danish Immigration Service, 'Eritrea – drivers and root causes of emigration, national service and the possibility of return. Country of origin information for use in the asylum determination process', UNHCR's perspective", December 2014, and Organisation Suisse d'Aide aux Réfugiés, "Érythrée: service national", 30 June 2017, p. 1 (только на французском языке). См. также Human Rights Watch, "Denmark: Eritrea immigration report deeply flawed", 17 December 2014.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен принять решение о том, является ли оно приемлемым по статье 22 Конвенции. В соответствии с требованиями статьи 22 (пункт 5 а)) Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 Что касается статьи 22 (пункт 5 b)) Конвенции, Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких материалов по этому вопросу, и в материалах дела нет ничего, указывающего на то, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты. На этом основании Комитет считает, что статья 22 (пункт 5 b)) Конвенции рассмотрению им настоящего сообщения не препятствует.

7.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение также является явно необоснованным и поэтому неприемлемым в соответствии со статьей 22 (пункт 2) Конвенции, в частности, в отношении утверждений автора о том, что государство-участник не провело всестороннего изучения опасности, которой она подвергнется в случае возвращения в Эритрею. Однако Комитет считает, что аргументы, выдвинутые автором, поднимают вопросы существа по Конвенции, которые должны быть оценены по существу. Соответственно, Комитет объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

8.1 В соответствии со статьей 22 (пункт 4) Конвенции Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, предоставленной ему обеими сторонами.

8.2 В данном деле стоящий перед Комитетом вопрос заключается в том, будет ли возвращение автора в Эритрею представлять собой нарушение обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или возвращать (*refouler*) какое-либо лицо в другое государство, если имеются серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать опасность подвергнуться пыткам.

8.3 Соответственно, Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Эритрею опасность применения пыток будет угрожать лично автору сообщения. При оценке такой опасности Комитет должен учесть все соответствующие соображения, вытекающие из статьи 3 (пункт 2) Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую оно подлежит возвращению. Из этого следует, что существование в той или иной стране практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием полагать, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. С другой стороны, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его/ее дела³⁰.

8.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017), согласно которому Комитет будет оценивать наличие «серьезных оснований» и считать опасность пыток «предсказуемой, личной, существующей и реальной», если имеются

³⁰ *И. А. против Швеции* (CAT/C/66/D/729/2016), п. 9.3, и *М. С. против Дании* (CAT/C/55/D/571/2013), п. 7.3.

достоверные факты, которые касаются самой опасности на момент принятия им решения и которые будут затрагивать права автора по Конвенции в случае его или ее депортации³¹.

8.5 Комитет напоминает, что бремя доказывания возлагается на автора сообщения, которая должна привести аргументированные доводы, т. е. представить обоснованные аргументы, показывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, существующей, личной и реальной. Комитет также напоминает, что он в значительной степени опирается на заключения по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими заключениями. Комитет свободен проводить оценку имеющейся у него информации в соответствии со статьей 22 (пункт 4) Конвенции с учетом всех обстоятельств, относящихся к каждому делу. В этой связи Комитет отмечает, что применение жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, независимо от того, равнозначны ли они пыткам, которому то или иное лицо или его семья подвергались в государстве происхождения или подвергнутся в государстве, куда данное лицо депортируется, свидетельствует о том, что указанному лицу может угрожать опасность применения пыток в случае депортации в одно из этих государств. Такое указание должно учитываться государствами-участниками в качестве одного из базовых элементов, оправдывающих применение принципа невыдворения³². В замечании общего порядка № 4 (2017) Комитет приводит неисчерпывающий перечень примеров ситуаций в области прав человека, которые могут свидетельствовать об опасности применения пыток и которые государства-участники должны учитывать в своих решениях о выдворении того или иного лица со своей территории и принимать во внимание при применении принципа не выдворения³³, в том числе следующие моменты: а) становилось ли соответствующее лицо в государстве своего происхождения или в государстве, в которое ему предстоит депортация, жертвой насилия, включая гендерное или сексуальное насилие в публичном или частном порядке, которые приравниваются к пыткам³⁴; б) было ли это лицо осуждено в государстве происхождения или будет осуждено в государстве, в которое оно депортируется, в рамках судебной системы, которая не гарантирует право на справедливое судебное разбирательство³⁵; в) подвергалось ли соответствующее лицо задержанию либо тюремному заключению в государстве своего происхождения или будет ли оно задержано или заключено в тюрьму в случае депортации в другое государство и будет ли содержаться в условиях, равнозначных пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания³⁶; и d) будет ли соответствующее лицо приговорено к телесным наказаниям в случае депортации в государство, где, несмотря на то, что телесные наказания разрешены национальным законодательством, они могут быть приравнены к пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания в соответствии с нормами обычного международного права и правовой практикой Комитета и других признанных международных и региональных правозащитных механизмов³⁷.

8.6 Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что на основании многочисленных независимых докладов, а также обращения, которому она подвергалась в прошлом, имеются серьезные основания полагать, что после ее выдворения в Эритрею она будет немедленно задержана, подвергнута допросам, принудительному призыву или иному лишению свободы на неопределенный срок и

³¹ П. 11.

³² Замечание общего порядка № 4 (2017), п. 28.

³³ Там же, п. 29.

³⁴ См., например, *Бакату-Биа против Швеции* (CAT/C/46/D/379/2009), пп. 10.5–10.7.

³⁵ См., например, *Агиза против Швеции* (CAT/C/34/D/233/2003), п. 13.4, и *Али Фадель против Швейцарии* (CAT/C/53/D/450/2011), п. 7.8.

³⁶ См., например, *Тони Чахин против Швеции* (CAT/C/46/D/310/2007), п. 9.5, и *Турсунов против Казахстана* (CAT/C/54/D/538/2013), п. 9.8.

³⁷ См., например, *аль-Хадж Али против Марокко* (CAT/C/58/D/682/2015), пп. 8.5–8.8. Замечание общего порядка № 4 (2017), п. 29 г).

без соблюдения надлежащих процессуальных гарантий, а также подвергнута насилию и жестокому обращению, равносильным пыткам, что противоречит статье 3 Конвенции.

8.7 Комитет также принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что все претензии автора были должным образом проанализированы и объективно и всесторонне оценены в двух его инстанциях, которые имеют доступ к регулярно обновляемым сведениям, располагают конкретным опытом и специальными знаниями в вопросах предоставления убежища и имеют возможности рассматривать всю предоставленную им информацию, включая устные показания авторов в обоих случаях. Государство-участник также отмечает, что оно не может осуществлять принудительное возвращение граждан Эритреи из-за политики Эритреи, отказывающейся соглашаться на такие меры, и поэтому такое возвращение в настоящее время на повестке дня не стоит.

8.8 Комитет отмечает, что государство-участник в своих замечаниях опиралось на предыдущие выводы национальных властей о том, что автор на своем первом собеседовании в августе 2014 года заявила, что опасалась облавы с целью призыва на национальную службу, однако на вопрос о том, были ли у нее проблемы с властями в ее стране, она ответила отрицательно. Из этого был сделан вывод, что, когда она позже упомянула о том, что попала в облаву и была задержана, это добавление было сфабриковано постфактум, чтобы сделать ее утверждение более убедительным, и что поэтому автор сообщения не заслуживает доверия. Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что первоначальное собеседование представляло собой всего лишь беглый обзор ее ходатайства о предоставлении убежища и что на нем ей прямо сказали не вдаваться в подробности, так как это собеседование проводилось не для этого, но при этом заверили, что ей будет предоставлена возможность представить подробные сведения на собеседовании по существу. Он также принимает к сведению подтверждаемое протоколом собеседования утверждение автора о том, что из-за кадровых проблем собеседование пришлось провести в необычно сокращенном виде.

8.9 Комитет отмечает в отношении первоначального собеседования с автором, что из представленного протокола следует, что в самом его начале автору было предложено изложить причины, по которым она ходатайствует о предоставлении убежища, в краткой форме, а именно упомянуть только самое важное. Более подробная информация могла быть предоставлена на последующем собеседовании. Кроме того, когда автору задали вопрос о причинах подачи ходатайства о предоставлении убежища, она заявила, что не хочет проходить национальную военную службу. На вопрос, контактировала ли она с властями по поводу национальной службы, автор сообщения ответила отрицательно, но добавила, что ей всегда говорили о том, что она должна будет ее пройти и что она должна была явиться для прохождения военной службы в период с января по апрель 2013 года. Когда ее спросили, куда она должна была для этого явиться, она назвала администрацию микрорайона «Парадизо». Затем ее спросили, были ли у нее, кроме этого, какие-либо проблемы с властями. Автор ответила, что никаких проблем у нее не было, кроме того, что она всегда боялась облав. Из протокола следует, что затем ее спросили, смогла ли она изложить все причины, по которым она обратилась с ходатайством о международной защите; ответ был утвердительным, но в скобках в протоколе фигурирует пометка: «Сокращенный опрос по основаниям для предоставления убежища из-за нехватки ресурсов». Неясно, была ли эта пометка сделана автором или сотрудником, проводившем собеседование. В любом случае в пунктах 2.1–2.12 выше изложены основания для ее обращения с ходатайством о предоставлении убежища. Комитет считает, что первоначальное собеседование было очень коротким, заданные вопросы и время, отведенное на ответы, были недостаточными для того, чтобы эти ответы могли рассматриваться как окончательное основание для предоставления убежища. Он также отмечает, что когда в ходе собеседования по существу были заданы вопросы по поводу предполагаемых нестыковок, автор дала подробные и связанные ответы. Однако, истолковав первоначальное собеседование как отражающее суть всей ее претензии и, как следствие, отклонив добавленные позже подробные сведения как сфабрикованные, иммиграционные власти государства-участника отклонили все ее претензии в совокупности. Комитет считает, что, после того как

государство явно ограничило первое собеседование сжатым изложением ею своих претензий, оно не может потом добросовестно интерпретировать ее ответы чрезмерно ограничительным образом и использовать это позднее в качестве основания для исключения более подробных сведений, которые, как ее заверили, она будет вправе предоставить. Поэтому он считает, что государство-участник не истолковало возникшие у него сомнения в пользу автора и, следовательно, не подвергло ее ходатайство всесторонней оценке.

8.10 Комитет далее отмечает утверждение автора о том, что информация о стране, на которую опиралось государство-участник при вынесении решения по ее ходатайству о предоставлении убежища, не отражает реальное положение дел в Эритрее и что два из государств, на которые ссылается государство-участник как на разделяющие позицию и выводы миссии по установлению фактов его собственных властей, — Дания и Соединенное Королевство — подверглись резкой критике за отсутствие объективности и беспристрастности в источниках, на которые они опирались. Он также отмечает, что в докладе Европейского бюро по вопросам предоставления убежища, на который ссылается государство-участник в пункте 4.6 выше и на основании которого оно пришло к выводу о том, что национальная воинская повинность сама по себе не является достаточным основанием для предоставления статуса беженца, также содержатся заявления, которые не были включены или рассмотрены государством-участником, а именно: «Существует очень мало сведений об обращении эритрейских властей с принудительно возвращенными лицами, поскольку в последние годы принудительные возвращения имели место только из Судана (и возможно, из Египта). В отличие от добровольных возвращенцев, люди, которые были возвращены в принудительном порядке, не могут урегулировать свой статус с властями. Вся имеющаяся информация указывает на то, что, как и в случае массовой облавы (*giffas*) или задержания при попытке к бегству, проводится проверка прохождения задержанным лицом национальной службы, после чего применяется та же процедура, что и в случае задержания людей в Эритрее. Однако не исключено назначение более сурового наказания, поскольку человек покинул страну нелегально»³⁸. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что информация, на которую опирается автор и которая в значительной степени основана на показаниях лиц, покинувших Эритрею, является намеренно избирательной. В частности, он отмечает, что в качестве примеров этого приводятся доклады организаций «Хьюман райтс уотч», «Международная амнистия» и Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Эритрее. В распоряжении Комитета нет ничего, что указывало бы на то, что судебные органы государства-участника на каком-либо этапе провели подробную оценку исходных материалов, на которые опирались иммиграционные власти или автор сообщения. Он делает вывод о том, что в целом, если тому или иному источнику следует придавать меньшее значение, то это должен быть любой источник, который оценивается как явно заинтересованный в предложенной версии событий. Скорее всего, как представляется, речь будет идти о сведениях, предоставленных представителями правительства или источниками внутри страны, которые могут подвергнуться репрессиям за любую предполагаемую критику правительства Эритреи. Замечания государства-участника, как представляется, указывают на то, что отказ государства взаимодействовать с миссией по установлению фактов или признать ее, является основанием для отклонения выводов, изложенных в докладе этой миссии по установлению фактов, и что сведения от лиц, бежавших от преследований, являются менее достоверными. Напротив, Комитет считает, что такое толкование имело бы сдерживающий эффект в плане стремления государств соблюдать свои обязательства в области прав человека и приводило бы к снижению уровня прозрачности и подотчетности. Кроме того, если источниками являются во многом представители гражданского общества и граждане в изгнании, передаваемая ими информация с большей вероятностью представляет собой достоверные, не подвергавшиеся цензуре свидетельства из первых рук, поскольку можно утверждать, что лица, бежавшие из страны, уже не живут в условиях цензуры. Государство-участник не указало, что эти соображения были чем-то сбалансированы

³⁸ European Asylum Support Office, *Eritrea. National Service, Exit, and Return*, p. 37.

или что у него были какие-либо конкретные опасения относительно наличия фактора принуждения или что ему известны надежные источники сведений об обратном, которые могли бы поставить под сомнение такие индивидуальные показания.

8.11 Комитет отмечает, что в своих последних заключительных замечаниях Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин выражал сохраняющуюся глубокую обеспокоенность серьезным воздействием обязательной национальной службы на права женщин³⁹. Он также отмечает последние выводы Специального докладчика по Эритрее⁴⁰: лицам, уклоняющимся от призыва, не обеспечивается соблюдение надлежащей законной процедуры, предполагается, что они знают причину своего ареста и содержания под стражей, и в их случае применяется наказание, предусмотренное статьей 37 Прокламации № 82/1995 о национальной службе в виде двух лет тюремного заключения или выплаты штрафа без возможности оспорить законность своего содержания под стражей. Призывники обычно служат сверх установленного законом 18-месячного срока в крайне тяжелых условиях жизни для призывников, подвергаясь сексуальному насилию и суровым наказаниям, в частности в военном лагере Сава. Пойманные уклоняющиеся от призыва призывники и дезертиры подвергаются суровому наказанию, включая длительные сроки заключения, пытки и другие формы бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. По сообщениям, просители убежища, которые возвращаются в Эритрею, по возвращении подвергаются суровому наказанию, включая длительные сроки содержания под стражей без связи с внешним миром, пытки и жестокое обращение, причем женщины-заключенные безнаказанно подвергаются множественным формам жестокого обращения, включая сексуальное насилие, изнасилование или угрозы изнасилования и сексуальные домогательства⁴¹. Кроме того, Специальный докладчик отмечает ухудшение ситуации с правами человека с начала действия своего мандата в ноябре 2020 года из-за участия страны в вооруженном конфликте в Эфиопии с неопределенным сроком национальной/военной службы, что еще больше усугубляет ситуацию. Он установил, что лица, пытавшиеся уклониться от призыва, заключались в тюрьму на неопределенный срок, где сталкивались с бесчеловечными и унижающими достоинство условиями. Власти также подвергали лиц, уклоняющихся от призыва, опосредованному наказанию, например, заключая в тюрьму родителей или супругов, чтобы заставить их сдать, и что по всей стране стали гораздо чаще проводится облавы (*giffas*) с целью призыва на военную службу⁴².

8.12 Комитет не считает, что государство-участник обосновало свои утверждения относительно беспристрастности информации, на которую ссылается автор, тем более что она согласуется с выводами ряда договорных органов и мандатариев специальных процедур в отношении возвращенцев и обращения с женщинами, призванными на национальную службу в Эритрее. Поэтому он приходит к выводу, что, отклонив эту информацию и не рассмотрев всесторонним образом утверждения автора из-за негативной оценки их достоверности, государство-участник не справилось со своей частью бремени доказывания, связанного с приобщением к делу беспристрастной и объективной справочной информации о стране из широкого круга источников для обеспечения того, чтобы независимо от своего заключения о достоверности оно рассматривало индивидуальные обстоятельства и связанные с автором риски на основе неоспоримых фактов, а именно, что она является женщиной призывного возраста и лицом, чье ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, в контексте имеющейся обновленной информации о стране. Из-за такого вывода о достоверности государство-участник отклонило все утверждения автора сообщения как фабрикации и, не приведя никакого подробного обоснования, пришло к выводу о том, что никакой опасности ей не грозит.

8.13 По этой причине Комитет приходит к выводу о том, что в данном деле в случае возвращения автора сообщения в Эритрею ей грозит предсказуемая, реальная,

³⁹ CEDAW/C/ERI/CO/6, п. 10.

⁴⁰ См. A/HRC/47/21.

⁴¹ Там же, пп. 38, 52 и 58.

⁴² Заявление Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Эритрее от 13 июня 2022 года.

существующая и личная опасность подвергнуться пыткам. Поэтому Комитет считает, что ее возвращение в Эритрею будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

9. С учетом вышеизложенного Комитет, действуя на основании статьи 22 (пункт 7) Конвенции, приходит к выводу о том, что возвращение автора сообщения в Эритрею явится нарушением статьи 3 Конвенции.

10. Комитет считает, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник обязано воздержаться от возвращения автора в Эритрею.

11. В соответствии с правилом 118 (пункт 5) своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения проинформировать Комитет о шагах, предпринятых им в осуществление мер в соответствии с изложенными выше замечаниями.
